

В.Ю. СЕРГИЕНКО

ЖАН-ЖОЗЕФ МУНЬЕ (1758–1806) – ИДЕОЛОГ КОНСТИТУЦИОННОГО МОНАРХИЗМА В ГОДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Жан-Жозеф Мунье прожил недолгую жизнь, но за свои 48 лет ему пришлось стать свидетелем смены во Франции нескольких политических режимов. Начав карьеру в годы Старого порядка, он в 1788 г. с энтузиазмом включился в общественную и политическую жизнь, в первые месяцы революции оказывал решающее влияние на работу первого в истории Франции парламента – Национального собрания. Вместе со своими сторонниками Мунье образовал группу "умеренных" депутатов, которые закладывали основы умеренно-конституционной традиции в политической жизни Франции и впервые предложили создать двухпалатный парламент. В ходе последующих событий Мунье оказался в оппозиции, затем в эмиграции, из активного революционера превратился в агента британского правительства и вернулся на родину лишь после переворота 18 брюмера, когда к власти пришел Наполеон Бонапарт.

НАЧАЛО ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Жан-Жозеф Мунье родился 12 ноября 1758 г. в Гренобле. Его отец торговал сукном и совместно с братом владел солидным капиталом, позволявшим ему держать лавку не только на центральной улице Гренобля, главного города провинции Дофине, но и в Париже. Уважаемый горожанин, он пользовался любовью и доверием своих сограждан¹.

Первоначальное образование Жан-Жозеф получил у дяди – кюре небольшого городка Рив. В 1770 г. он поступил в королевский коллеж, который успешно закончил через пять лет. Мунье мечтал о карьере военного, но для людей третьего сословия эта сфера деятельности, как правило, была закрыта. Так Мунье впервые столкнулся с сословными ограничениями, за отмену которых будет бороться впоследствии. Попробовав заняться торговлей, он быстро понял, что не создан для этого, и решил посвятить себя юриспруденции. В 1776 г. он блестяще сдал экзамен, удостоился степени бакалавра права и, уже в 21 год получив должность адвоката, был назначен в Гренобль для ведения гражданских и уголовных дел². Для сына торговца сукном это было несомненным достижением³.

В 1782 г. Мунье женился на Марии-Филиппине Борель, дочери Клода Бореля, занимавшего должность прокурора в парламенте Гренобля. В качестве приданого Борель выплатил зятю две тысячи ливров и пообещал выплатить еще четыре в течение следующего года. Отец тоже сделал Мунье щедрый свадебный подарок – 16 тысяч ливров. Это позволило 25-летнему адвокату купить должность королевского судьи⁴.

Сергиенко Владислава Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ *Biographie de Mounier* par Lally-Tollendal. – *Michaud J.* *Biographie universelle et moderne*. Paris, 1954, p. 455; *Lemay Edna H.* *Dictionnaire des Constituants*, t. 2. Paris, 1991, p. 680.

² *Biographie de Mounier* par Lally-Tollendal, p. 455.

³ *Egret J.* *La Révolution des Notables. Mounier et les Monarchiens*. Paris, 1950, p. 9.

⁴ Bibliothèque municipale de Grenoble, fond Denier, papiers privés de J.J. Mounier. Documents de réserve, R 6314, 1 liasse.

Благодаря женитьбе Мунье упрочил и свое материальное положение, и социальный статус. Новая должность не мешала ему успешно совмещать обязанности королевского судьи с адвокатской практикой. Безграничной преданностью делу, уважением к законам и незаинтересованностью в личной выгоде он завоевал расположение коллег⁵. А своей компетентностью и беспристрастностью Мунье прославился не только в Гренобле, но и за его пределами. Современники отмечали, что он был "холоден и порой даже резок в общении", но при этом отличался отзывчивостью, искренностью и терпением. Его речам была присуща ясность, лаконичность, внутренняя логика, четкое построение, убедительная аргументация⁶. Кроме того, Мунье обладал еще одной, очень ценной для адвоката чертой – невероятной энергией, благодаря которой ему удавалось переубеждать и склонять на свою сторону оппонентов⁷.

Судя по письмам к родным и свидетельствам современников⁸, Мунье был прекрасным семьянином – заботливым мужем, внимательным отцом, преданным сыном. Он очень любил своих детей, Эдуарда и Викторину, и даже в самые напряженные моменты своей деятельности занимался их воспитанием сам. Теплые отношения сложились у него и с семьей жены, особенно с шурином Борелем-Шатле. Впоследствии, находясь в эмиграции, Мунье поддерживал с ним длительную и доверительную переписку⁹.

В 1787–1788 гг. Мунье приобрел известность не только на региональном уровне, но и в масштабах всей Франции. Он был вдохновителем, инициатором и одним из лидеров общественного движения в провинции Дофине, явившегося прологом революционных событий, суть которого определялась противостоянием провинциальных парламентов и королевской власти. Это движение вписывалось в картину общего кризиса Старого порядка и имело долгую историю. Столкновения провинциальных парламентов с королевской администрацией происходили еще в эпоху Людовика XIV, во времена Фронды, и в правление Людовика XV, когда в 1771 г. канцлер Мопу предпринял попытку ограничить их полномочия. Парламентам удалось привлечь на свою сторону французское общество и добиться отмены решений канцлера, но с тех пор они все больше превращались в оплот оппозиционных настроений. Наследуя концепции эпохи Просвещения, парламенты боролись главным образом за принцип представительного правления и возможность участвовать в составлении законов, оспаривая, таким образом, основной принцип Старого порядка: король – единственный законодатель, единственный представитель нации и он стоит выше закона. Именно поэтому многие министры видели в парламентах серьезную угрозу королевской власти, фактор нестабильности, и всячески стремились ограничить сферу их деятельности¹⁰. Подобное противостояние вызывало энергичную реакцию общества, становясь подчас предметом острой политической борьбы.

Увеличение гербового сбора в мае 1788 г. и предложенные хранителем печати Ламуаньоном эдикты, согласно которым парламенты превращались в преимущественно судебные органы власти и лишались своего былого влияния, вызвали сопротивление парламентариев. Как и прежде, первым против реформы высказался Парижский парламент. Вскоре его поддержали и парламенты других городов – Дижона, Тулузы, По, Ренна, Гренобля. Принудительная регистрация эдиктов Ламуаньона привела к резкому усилению недовольства жителей французских городов, считавших, что парламенты, препятствуя нововведениям, отстаивают и их интересы.

Наибольшую остроту конфликт приобрел в Гренобле, где отчетливо прослеживалось противостояние местной администрации и королевских чиновников. Парламент

⁵ *Du Boys F.* Eloge de Mounier. Grenoble, 1865, p. 11–12; *Biographie de Mounier par Lally-Tollendal*, p. 455.

⁶ *Saint-Prix B.* Eloge historique de M. Mouiner. Grenoble, 1806, p. 25–26, 37.

⁷ *Ibid.*, p. 36.

⁸ *Bibliothèque municipale de Grenoble*, fond Denier, R 6314.

⁹ *Ibidem*.

¹⁰ Подробнее см.: *Bluche F.* Les Magistrats du Parlement de Paris. 1715–1771. Paris, 1986; *Egret J.* Louis XV et l'opposition parlementaire. Paris, 1970.

Гренобля выступил с очень резким заявлением и объявил предателем всякого, кто будет участвовать в проведении реформы. В ответ интендант распорядился закрыть зал заседаний, и это вызвало еще большее негодование. Население Гренобля встало на защиту парламента. Вскоре в городе произошли первые столкновения с властями; горожане забирались на крыши домов и забрасывали солдат, пытавшихся восстановить порядок, черепицей (впоследствии 7 июня 1788 г. так и назвали – "День черепиц"). Жители Гренобля выиграли борьбу, но парламентариям все-таки пришлось покинуть свои места. Тогда было принято решение о созыве иного представительного органа, Ассамблеи нотаблей.

Ассамблея нотаблей издавна считалась особым собранием совещательного характера, созывавшимся королем преимущественно для обсуждения финансово-административных вопросов. Жители Гренобля сами назначили нотаблей, причем в их число вошли видные представители не только от дворянства и духовенства, как это было ранее, но и от третьего сословия. Уважаемый горожанин, адвокат и королевский судья, Мунье был выбран секретарем собрания, и ему удалось убедить коллег отказаться от любых действий, напоминающих восстание.

Вместе с тем Мунье настаивал на необходимости защищать права третьего сословия, которое, в его понимании, было истинным представителем нации на том простом основании, что обладало численным преимуществом. "Французский народ, – рассуждал Мунье, и его мысль отражала настроения третьего сословия, – состоит из трех категорий: священнослужителей, дворян и простых граждан. Две первые очень малочисленны, поэтому их можно рассматривать как одну группу привилегированных. Категория непривилегированных граждан, по сути дела, в большей степени нация, поскольку из 24 млн. человек лишь 5 или 6 тыс. принадлежат к первой категории"¹¹.

На первом заседании нотаблей, состоявшемся 14 июня 1788 г., по инициативе Мунье¹² было принято решение направить обращение королю с просьбой собрать провинциальные штаты в каждой провинции, а впоследствии объявить об открытии избирающихся по сословиям Генеральных штатов всего королевства. Причем число депутатов от третьего сословия должно было быть "непрерывно равным количеству депутатов от дворянства и духовенства". В департаментских архивах Гренобля сохранилось постановление нотаблей, где говорилось, что с помощью этих мер они желают "покончить с бедями и несчастьями, обрушившимися на французскую нацию"¹³. Их просьба о созыве Генеральных штатов, ранее представлявших собой лишь совещательный орган, собиравшийся в критические моменты для оказания помощи правительству¹⁴, выражала стремление создать администрацию на местах. По мысли нотаблей, эта администрация должна была избираться в провинциях и не подчиняться бы королевским интендантам, как это предлагалось в проекте генерального контролера финансов Л. де Бриенна¹⁵.

Требования нотаблей отражали и другую тенденцию: усилившуюся борьбу за равное представительство третьего сословия. Таким образом, начавшись с оппозиции парламента, движение провинций постепенно превращалось в отстаивание интересов тех, кого Мунье называл "простыми гражданами". Многие из них являлись богатыми банкирами, крупными промышленниками, но не обладали политическим влиянием. Мунье, входивший в число видных представителей третьего сословия Дофине, возглавил их борьбу за свои права, стремясь добиться справедливости и одинаковых возможностей

¹¹ Mounier J.J. Nouvelles observations sur les Etats-Généraux. Paris, 1789, p. 219.

¹² Egre J. La Révolution des Notables..., p. 13.

¹³ Délibération de l'Hôtel de ville de Grenoble. – Archives Départementales de Grenoble, 461 AD, microfilm 1.

¹⁴ Об истории Генеральных штатов см. Picot R. Histoire des Etats Généraux, 2 éd., t. 1–5. Paris, 1888.

¹⁵ Став генеральным контролером в мае 1788 г., архиепископ Тулузы Л. де Бриенн разработал проект учреждения провинциальных ассамблей, согласно которому они превращались во вспомогательные органы местной администрации, поскольку могли обсуждать лишь второстепенные вопросы и находились под контролем интенданта. Подробнее см.: Egre J. La Pré-Révolution française..., p. 60–73; Fogel M. Assemblées provinciales. – Soboul A. Dictionnaire historique de la Révolution Française. Paris, 1989, p. 52.

для сограждан. "Унизительное отстранение третьего сословия от почетных должностей в церковной иерархии, системе правосудия и армии не может считаться законным правом дворянства", – писал он¹⁶.

Обращение с призывом направлять своих представителей в новое собрание распространилось в Дофине очень быстро. В некоторых городах оно было зачитано священниками во время проповеди, что дало мощный толчок для мобилизации общественного мнения и положило начало подготовке собрания трех сословий¹⁷.

Активное участие в этом процессе принимали известный адвокат Гренобля А. Барнав, адвокат П. Дидье и богатый промышленник К. Перье¹⁸, но наибольшей популярностью у жителей провинции пользовался Мунье. Он был "самым достойным представителем высшей парламентской буржуазии Дофине", чьи энергичные требования, честность, умеренность "увлекали дворянство" и сделали возможной выработку совместной общей программы действий, согласованной разными общественными кругами Гренобля¹⁹.

Неудивительно поэтому, что Мунье был вновь избран секретарем Собрания трех сословий провинции Дофине. Открытие собрания состоялось 21 июля 1788 г. неподалеку от Гренобля, в принадлежавшем семье Перье замке городка Визиль²⁰. Туда съехались 215 депутатов от духовенства и дворянства и 276 представителей третьего сословия для "восстановления своих привилегий и установления общественных свобод по всей Франции"²¹.

На собрании было зачитано постановление нотаблей Гренобля и единодушно принято несколько резолюций, провозглашавших майские эдикты Ламуаньона незаконными, поскольку их регистрация произошла вопреки воле французов. В этом участники ассамблеи Визилья видели "очевидную опасность" и угрозу свободе Франции. Своей целью они объявляли процветание родины, "спасение королевства, поддержание могущества трона и славы Его Величества"²². Для подтверждения своих намерений депутаты приняли решение составить обращение королю, приняв за основу проект, предложенный Мунье.

Участники собрания хотели, чтобы их обращение было ярким и убедительным, способным повлиять на Людовика XVI: они писали о "деспотизме" министров, "тирании", "узурпации своих прав" и "разграблении народа". Но при всей эмоциональности их воззвания, оно было вполне определенным политическим проектом (именно в этой части ощущается влияние Мунье и его коллег-адвокатов), цель которого состояла в том, чтобы внести изменения в законодательную систему. Все они сводились главным образом к руссоистскому принципу о законе как результате всеобщего волеизъявления; если же закон отвергается народом, то таковым считаться не может.

На этом основании собравшиеся заявили о невозможности введения новых реформ и налогов без их утверждения представителями нации и потребовали созвать Генеральные штаты, которые, по их мнению, являлись единственным институтом, имевшим "необходимую силу и полномочия, чтобы бороться с деспотизмом министров и положить конец расхищению финансов"²³, вынести окончательное решение относительно введения новых налогов.

¹⁶ Mounier J.J. Nouvelles observations sur les Etats-Généraux..., p. 203.

¹⁷ Nicolas J. La Révolution française dans les Alpes, Dauphiné et Savoie. Toulouse, 1989, p. 57; Chagny R. De la province à la nation, la Dauphiné dans la Révolution. Grenoble, 1999, p. 150.

¹⁸ Подробнее об их судьбах и участии в ассамблее Визилья см.: Chenavas O. La Révolution de 1788 en Dauphiné. Grenoble, 1888, p. 179–185; Manceron C. Les hommes de la liberté. Paris, 1987.

¹⁹ Chenavas O. Op. cit., p. 182; Egret J. La Révolution des Notables..., p. 14–15.

²⁰ На открытии присутствовали представители не всех городов провинции, поскольку некоторые из них по разным причинам отказались послать своих депутатов в Визиль. Подробнее см. Nicolas J. Op. cit., p. 53.

²¹ Biographie de Mounier par Lally-Tollendal..., p. 456.

²² Très respectueuses Représentations des trois Ordres de la province de Dauphiné. – Faure J.A. Les assemblées de Vizille et de Romans en Dauphiné durant l'année 1788. Paris, 1887, p. 150–151.

²³ Ibid., p. 154.

Хотя послание депутатов Собрания трех сословий Дофине не содержало четко сформулированных предложений о реформах, оно позволило историкам сделать вывод, что на ассамблее Визилы были "провозглашены основы первой революционной программы", составленной в духе провинциального реформизма и получившей широкое одобрение как дворянства, так и верхушки третьего сословия²⁴. Обращение депутатов Дофине стало показателем настроения разных общественных слоев, не согласных с политикой министров и стремившихся вынести обсуждение внутриполитических проблем на общегосударственный уровень, узаконив тем самым принятие новых решений. С этого времени, согласно утверждению французского историка Ф. Фюре, в обществе ясно выделились две тенденции: антиабсолютистская и эгалитарная²⁵.

Первая проявлялась в том, что требования участников собрания в Дофине выходили за рамки парламентской борьбы, вторая – в стремлениях третьего сословия получить равные права и прежде всего возможность участвовать в законодательном процессе и выработке новых правовых норм как для своих провинций, так и для всего государства. Деятельность депутатов Дофине наглядно продемонстрировала, что достижение этой цели вполне возможно: в отличие от собраний в Ренне и По, в Визиле третье сословие было представлено большим количеством депутатов.

Посланию депутатов провинции Дофине "было суждено произвести сильнейшее впечатление и изменить ход событий во Франции и в Европе"²⁶, повлияв на действия Людовика XVI. Уже в начале августа король разрешил созвать прелиминарную ассамблею трех сословий для составления конституции новых провинциальных штатов Дофине. Спустя несколько дней он назначил собрание Генеральных штатов всего королевства на 1 мая 1789 г. Наряду с этим были отправлены в отставку ненавистные министры – де Бриенн и Ламуаньон. Эта новость вызвала бурный восторг жителей Гренобля. Они устроили праздник, завершившийся торжественным шествием по улицам города с куклой, изображавшей Ламуаньона – министра, предавшего короля и родину²⁷.

Во всех этих событиях немаловажную роль сыграл Мунье, который выступал с осуждением политики министров и одним из первых возглавил борьбу третьего сословия Дофине за равное представительство в провинциальных органах власти. Он сумел привлечь внимание короля и общества не только к проблемам своей провинции, но и к судьбе Франции в целом.

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

В 1788 г. Мунье исполнилось 30 лет. Он уже сделал успешную карьеру, приобрел известность в провинции Дофине как общественный деятель, завоевал уважение друзей и коллег. Сыну торговца сукном, казалось, трудно было бы достичь большего, но эпоха революционных перемен открывала перед энергичным адвокатом, стремившимся быть полезным своей стране, работать над совершенствованием ее государственной и общественной системы, новые, невиданные прежде возможности. 31 декабря 1788 г. Мунье избрали депутатом Генеральных штатов. Его кандидатура была единодушно одобрена на провинциальном собрании выборщиков.

В заседании открывшихся 5 мая 1789 г. в Версале Генеральных штатов принимали участие депутаты от трех сословий. Согласно распоряжению короля, половину составляли дворяне и священники. Третье сословие было представлено главным образом адвокатами, нотаблями, врачами и другими лицами свободных профессий²⁸.

Утром 20 июня, когда депутаты от третьего сословия, как обычно, направились в зал заседаний, чтобы присутствовать на объявленном накануне собрании духовенства и

²⁴ *Chenavas O.* Op. cit., p. 185; *Chagny R.* La "Révolution dauphinoise". Grenoble, 1988, p. 379.

²⁵ *Furet F.* La Révolution. 1770–1814. Paris, 1998, p. 85–87.

²⁶ *Nicolas J.* Op. cit., p. 54.

²⁷ *Chagny R.* De la province à la nation..., p. 151.

²⁸ *Goujard P.* Etats Généraux. – *Soboul A.* Op. cit., p. 423–424.

третьего сословия, дверь в зал Малых забав оказалась заперта. На ней висело распоряжение о созыве королевского заседания²⁹.

Взволнованные депутаты решили собраться в Зале для игры в мяч, находившемся недалеко от версальского дворца. Именно на этом заседании Мунье произнес речь, которая снискала ему популярность среди коллег и навсегда вписала его имя в историю Франции³⁰.

Мунье сказал, что в намерениях короля он не видит ничего дурного, однако о них объявили "неподобающим образом" и тем самым "выразили пренебрежение по отношению к нации, покусились на ее права и национальную свободу". Он не сомневался, что все это – дело рук врагов Франции и ее народа, решивших прервать ход заседаний и добиться роспуска депутатов. Он призвал своих коллег проявить стойкость и мужество и пресечь подобные попытки. "Поклянемся все! – пламенно воскликнул Мунье. – Поклянемся Богу и нашей родине не расходиться, пока, согласно воле тех, кто нас избрал, не будет предоставлена надежная и справедливая конституция!"³¹. Текст его выступления, доработанный депутатами Барнавом и Ле Шапелье, лег в основу клятвы, которую принесли все присутствовавшие депутаты.

Этой клятвой Мунье удалось объединить депутатов, направить их стремления на выработку конституции и таким образом впервые торжественно объявить и утвердить цель нового Национального собрания. Клятва в Зале для игры в мяч повлияла и на настроения дворянства, которое предпочло не оставаться в стороне от столь значимых для страны событий. В результате первое в истории Франции Национальное собрание было утверждено королем.

6 июля 1789 г. депутаты назначили состоящий из 30 человек специальный комитет для выработки плана по составлению конституции. 9 июля они провозгласили себя Национальным Учредительным собранием и, наконец, 14 июля, как раз в день взятия Бастилии, избрали первый Конституционный комитет, призванный представить проект конституции. В состав комитета вошли восемь депутатов, в том числе Мунье.

Именно он открыл дебаты по проекту первой французской конституции, выступив от имени комитета, занимавшегося созданием плана ее разработки. В докладе 9 июля он прежде всего попытался разъяснить само понятие "конституция". "Мы полагаем, – сказал Мунье, – что конституция есть не что иное, как точный и налаженный порядок в способах управления. Такой порядок не может существовать, если он не опирается на основополагающие правила, созданные благодаря свободному и ясно выраженному одобрению нации или тех, кого она избрала, чтобы ее представлять. Таким образом, конституция есть определенная и постоянная форма правительства, или, если угодно, это выражение прав и обязанностей составляющих его властей"³².

Формулировка "точный и налаженный порядок" прекрасно характеризовала намерения Мунье, стремившегося к упорядоченной работе государственного механизма, который должен был опираться на "основополагающие правила". Показательно, что при этом особо выделялась исключительная роль нации в создании конституции и не присутствовало, как в некоторых наказах, упоминание о совместном участии "нации и монарха" в создании этого документа³³. Таким образом, комитет подчеркнул, что именно нация должна создавать тот фундамент, на котором зиждется государство. "Если способ

²⁹ См. *Gendron F.* Serment du Jeu de Paume. – *Soboul A.* Op. cit., p. 599.

³⁰ *Furet F., Halévi R.* Notices sur Mounier. – *Orateurs de la Révolution française.* T. I. Les Constituants. Textes, établis, présentés et annotés par F. Furet et R. Halévi. Paris, 1989, p. 1499.

³¹ *Journal des Etats Généraux et du début de l'Assemblée nationale,* 18 mai–29 juillet 1789. Paris, 1946, p. 132.

³² *Monsieur Mounier. Rapport du comité chargé de préparer le travail de la constitution.* – *Archives Parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises imprimés par ordre du corps législatif sous la direction de M.J. Mavidal et M.E. Laurent. Première série, 1787–1799 (далее – AP), t. VIII.* Paris, 1882, p. 214.

³³ См., например: *Instructions pour les députés du Tiers-Etat aux Etats-Généraux proposées par les Deputés de la Ville de Riom.* – *Discours prononcé par M. Malouet.* Riom, 1789.

управления не происходит из ясно выраженной воли народа, то конституции нет вовсе, есть лишь фактическое правительство, которое меняется в зависимости от обстоятельств", – подчеркнул Мунье. Теперь он выражал не только свое личное мнение, но и мнение всего комитета, официально признавшего, что во Франции "нет определенной и законченной формы правления"³⁴.

Выявляя характерные для просветительской мысли антиподы "конституция" и "деспотизм", Мунье и его коллеги по комитету предлагали утвердить конституционно-монархический строй, т.е. такой образ правления, при котором действия монарха неизбежно соответствуют закону и в определенной степени ограничиваются существованием конституции.

Важной задачей конституции комитет провозгласил разграничение властей. "Все власти перемешаны! – с горечью восклицал Мунье. – Ни одна граница не очерчена, и даже судебная власть не отделена от законодательной. Власть разрознена, отдельные ее части противоречат друг другу". Указывая на это, Мунье, тем не менее, не предлагал полностью разделить законодательную и исполнительную власть, заявив, что король должен будет "согласовывать законы с представителями своего народа"³⁵. Мунье не исключал возможности наделения одного и того же лица законодательными и исполнительными функциями. От имени Конституционного комитета он предлагал лишь выделить основные ветви власти, точно определить их полномочия и обязанности, а также установить систему, подобную существовавшей в Англии, где король мог участвовать в работе парламента и созывать его на сессии. Заметим, что еще в начале своей карьеры в Гренобле Мунье был связан со многими англичанами, изучал их язык, деятельность их учреждений, судебную практику³⁶. Для расширения знаний он даже организовал "английский кружок", испытывая, подобно многим дворянам, восхищение Англией³⁷.

Главное назначение конституции Конституционный комитет и его докладчик, ссылаясь на американскую Декларацию прав, видели в обеспечении прав человека и гражданина и считали, что "было бы уместно, дабы напомнить цель нашей конституции, предвосхитить ее декларацией прав". Ведь для того, чтобы "конституция была хороша, необходимо, чтобы она основывалась на правах человека и, конечно, защищала их; значит, для подготовки конституции нужно исходить из прав, которыми естественная справедливость наделяет каждого индивидуума"³⁸.

Структура конституции, по мнению Мунье и его коллег по комитету, должна была выглядеть следующим образом: Декларация прав человека, принципы монархии, права нации, права короля, организация и функции Национального собрания, провинциальных ассамблей и судебной власти³⁹. От имени Конституционного комитета Мунье впервые изложил план создания конституции, выделил главы, которые впоследствии появились в Конституции 1791 г., охарактеризовал ее важнейшие принципы и задал тон последующим дискуссиям. Во главу угла он поставил проблему прав человека и французской нации, права же монарха отходили на второй план. Хотя конституция, полагал Мунье, должна была основываться на "осуществлении взаимных прав нации и монарха"⁴⁰, права французской нации считались приоритетными. Это соответствовало общей тенденции большинства наказов Генеральным штатам, где часто звучала мысль о том, что нация "долго пребывала в угнетенном состоянии"⁴¹ и настало время для отстаивания ее прав.

³⁴ Monsieur Mounier. Rapport du comité chargé de préparer le travail de la constitution. – AP, t. VIII, p. 214.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Biographie de Mounier par Lally-Tollendal, p. 455.

³⁷ Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой Французской революции. М., 1986, с. 44.

³⁸ AP, t. VIII, p. 216.

³⁹ Ibid., p. 217.

⁴⁰ Ibid., p. 214.

⁴¹ AP, t. V. Paris, 1876, p. 233–234.

Депутаты восторженно встретили выступление Мунье, расценив его как "начало великой работы". Большинство из них одобрило предлагаемый план работы над конституцией⁴². Тот факт, что именно Мунье было поручено сделать доклад по самому важному из вопросов, занимавших депутатов Национального собрания, в знаменательный день провозглашения Национального собрания Учредительным, свидетельствует о популярности и доверии, которыми он пользовался. Близкие сторонники Мунье выделяли его как видного деятеля и яркого оратора Учредительного собрания, отличавшегося, по словам Вирье, "логикой, точностью, справедливостью, особой манерой вести дискуссии"⁴³. Выступление Мунье 9 июля 1789 г., как и речь в день Клятвы в Зале для игры в мяч 20 июня, сделало его одним из самых известных деятелей революции.

На основе доклада Мунье депутаты намеревались начать выработку текста Декларации прав и всей конституции, но дальнейшее развитие событий вынудило их отложить эти вопросы. 12 июля парижане выразили свое негодование по поводу объявленной в этот день отставки правительства во главе с популярным министром финансов Ж. Неккером. Разнесся слух, что вслед за его отставкой последуют разгон Учредительного собрания и кровавые репрессии военных отрядов, собранных вокруг столицы, против народа. 14 июля толпы парижан, вооружившись чем попало, двинулись к крепости-тюрьме Бастилии с целью захватить имеющееся там оружие. Тюрьма, традиционно считавшаяся символом Старого порядка, была взята штурмом и вскоре разрушена до основания.

Узнав о взятии Бастилии, заседавшие в Версале депутаты направили в Париж делегацию во главе с Мунье. «Прибыв на площадь Людовика XV (ныне площадь Согласия. – В.С.) в сопровождении многочисленного эскорта, – докладывал Мунье депутатам, – мы увидели огромное количество людей, окружавших нас со всех сторон... Пришедшие, охваченные радостью, стремились пожать руки членам Национального собрания. Воздух сотрясали рукоплескания, радостные возгласы, к которым примешивались звуки барабанного боя и других музыкальных инструментов... Повсюду раздавались крики: "Да здравствует нация, да здравствует король, да здравствуют депутаты!" Никогда еще миллионы ликующих, пожимавших друг другу руки граждан не шествовали вслед за своими представителями, дабы в этом торжественном походе приветствовать свободу»⁴⁴.

Делегация Национального собрания прибыла в Рагушу. Там депутаты зачитали выступление короля в Учредительном собрании, где говорилось о его решении отозвать собранные вокруг Парижа войска. Затем выступили члены делегации, призывая граждан к миру и спокойствию. Восторг и ликование парижан вселили в Мунье надежду, что события этого дня знаменуют приход новой эпохи, когда наступит полное взаимопонимание между народом, его представителями и королем и ничто уже не будет мешать созданию конституции. "Волнения вскоре прекратятся, – говорил он депутатам 15 июля, после возвращения из Парижа. – Конституция будет установлена, она нас утешит, она смягчит боль парижан, оплакивающих смерть своих сограждан. И трудно будет не испытать чувство полного удовлетворения, когда на руинах Бастилии, этого ужасного оплота деспотизма, появится согласно велению граждан Парижа статуя прекрасного короля, восстанавливающего свободу и счастье Франции"⁴⁵.

Мунье наивно полагал, что достаточно принять декрет, постановление, наконец, конституцию, как по всей стране воцарятся мир и согласие. Убеденный монархист, он считал, что Людовик XVI пользуется безграничной любовью своих подданных и отвечает им тем же, но вместе с тем приветствовал разрушение Старого порядка, происходившее, как он считал, по воле короля и его народа. Высказывания Мунье были созвучны настроениям многих депутатов, которые тоже восприняли все произошедшее с большим энтузиазмом. События последующих дней, казалось, подтверждали согласие коро-

⁴² AP, t. VIII, p. 219–220.

⁴³ Lettre du comte Virieu au marquis Viennois. – Archives Departementales de Grenoble, 1 Mi 461, fol. 325.

⁴⁴ Monsieur Mounier. Récit de la mission remplie par la députation envoyée à Paris. – AP, t. VIII, p. 238.

⁴⁵ Ibid., p. 239–240.

ля и нации: 16 июля Людовик XVI вновь призвал Неккера на пост министра финансов, а на следующий день под громкие аплодисменты парижан, собравшихся возле Ратуши, принял трехцветную кокарду – первый революционный символ.

Работа депутатов над конституцией возобновилась почти через месяц. После принятия 4–11 августа знаменитых декретов об отмене феодализма они вернулись к предложенной Мунье повестке дня – обсуждению Декларации прав человека и гражданина. В ходе дискуссий выделилась группа депутатов, которая называла себя "умеренной партией". Наиболее видными ее деятелями были Мунье, его коллеги по Конституционному комитету Т.-Ж. Лалли-Толандаль, С. Клермон-Тоннер, Н. Бергас, а также депутат П.В. Малуэ. Они способствовали провозглашению первых революционных принципов, ориентируясь преимущественно на права, которыми граждане должны обладать в обществе – свободу, безопасность, собственность, сопротивление угнетению, – и сыграли большую роль в разработке Декларации прав человека и гражданина. Первые статьи Декларации, имевшие значительное сходство с проектом Мунье, гласили: "Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на соображениях общей пользы. Цель каждого политического союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Это – свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению"⁴⁶.

Статья 6-я, постулировавшая принцип равенства всех граждан перед законом, была принята с поправкой Лалли-Толандаля: "Всем гражданам в равной степени открыт доступ ко всем общественным должностям, местам и службам сообразно их способностям и без каких-либо различий, кроме как обусловленных их добродетелями и способностями"⁴⁷. Статья 10-я – о свободе вероисповедания – практически совпадала с текстом предложенного Мунье проекта: "Никто не должен испытывать стеснений в выражении своих мнений, даже религиозных, поскольку это выражение не нарушает общественного порядка, установленного законом"⁴⁸.

Лидеры "умеренных" активно участвовали в политической жизни страны. В течение июля – августа 1789 г. они назначались на должности секретарей и председателя Учредительного собрания, а к концу августа превратились в одну из главных группировок Учредительного собрания. Коалиция "умеренных депутатов", или "умеренная партия", по словам Мунье, отстаивала "наиболее мудрые принципы свободы"⁴⁹ и представляла собой некий политический центр – между приверженцами Старого порядка и и радикально настроенными депутатами.

В конце августа – начале сентября "умеренные" впервые предложили создать двухпалатный парламент, который в дальнейшем должен был стать важным элементом государственной системы Франции. Тогда большинство депутатов не поддержали ни этот проект, ни обсуждаемое вместе с ним абсолютное королевское вето. Те, кто голосовал за абсолютное вето короля, в том числе "умеренные", составили группировку Учредительного собрания, которую позднее стали называть "правым крылом". От нее ведут свое начало все последующие правые политические партии и течения Франции⁵⁰.

23 сентября Учредительное собрание приняло постановление о разделении властей, тем самым одоблив один из важных принципов, которые отстаивали Мунье и его сторонники как в своих выступлениях, так и в составленных ранее наказах Генеральным

⁴⁶ Цит. по: La Déclaration des droits de l'homme et du citoyen présentée par Stéphane Rials. Paris, 1988, p. 22.

⁴⁷ Assemblée Nationale ou Courrier français, № 48. Paris, 21 août 1789.

⁴⁸ La Déclaration des droits de l'homme et du citoyen présentée par Stéphane Rials, p. 23. "Никто не может испытывать стеснений из-за своих религиозных убеждений, – провозглашал Мунье, – лишь бы они не нарушали общественного порядка и соответствовали законам". (Projet de Déclaration personnel de Mounier. – AP, t. VIII, p. 291).

⁴⁹ Mémoires de Malouet, publiés par son petit fils le baron Malouet. Deuxième édition, v. 1. Paris, 1874, p. 270, 301–302.

⁵⁰ Подробнее см. *Сергиенко В.Ю.* Когда появились "правые" и "левые". У истоков политической традиции. – Новая и новейшая история, 2007, № 4.

штатам. Монархический режим с верховенством закона и системой разделения властей полностью соответствовал их взглядам, равно как и признание неделимости и наследования королевской власти, на чем настаивал Мунье еще в своем докладе 9 июля, представляя план работы над конституцией.

Несмотря на неудачу с проектом абсолютного вето и двухпалатного парламента, многие депутаты по-прежнему доверяли Мунье и ценили его заслуги. 28 сентября он был избран председателем Учредительного собрания.

В конце сентября – начале октября 1789 г. Мунье вместе с другими депутатами добивался от короля принятия декретов 4–11 августа, Декларации прав и первых статей конституции, утвержденных Учредительным собранием, но монарх медлил с их одобрением. Депутаты понимали, что в столь сложной обстановке отказ короля мог быть воспринят как нежелание предоставить своим подданным обещанную им долгожданную свободу. Между тем продовольственное положение в столице ухудшалось, остро ощущался недостаток хлеба.

Ситуация накалилась еще больше, когда в начале октября в Версаль прибыла верная королю воинская часть из Фландрии, что наводило на мысль о подготовке к государственному перевороту. Для гвардейцев был устроен прием, на котором разгоряченные вином гвардейцы в порыве преданности королю срывали революционный символ – трехцветную кокарду и заменяли ее на белую – символ королевской власти. Новость быстро достигла Парижа, вызвав негодование горожан. 5 октября возле Ратуши стал собираться народ. Вскоре толпа – в основном бедняки, торговцы, ремесленники – достигла нескольких тысяч. Вдохновленные призывом, прозвучавшим в знаменитой газете Марата "Друг народа", идти в Версаль, парижане отправились туда, чтобы потребовать хлеба у короля и депутатов.

В этот же день участники Учредительного собрания решили направить к королю многочисленную депутацию во главе с председателем собрания Мунье. Ей надлежало получить от монарха "простое и безусловное одобрение" декретов⁵¹. Выйдя из зала заседаний, депутаты столкнулись с разгневанными парижанами, мужчинами и женщинами, которые требовали хлеба и наказания для тех, кто оскорбил трехцветную кокарду⁵². "Единственный способ иметь хлеб, – ответил им Мунье, – это восстановить порядок. Чем дольше вы будете негодовать, тем дольше не будет хлеба".

Только к десяти часам вечера депутаты получили от короля одобрение декретов. Вернувшись в зал заседаний, они обнаружили "ужаснейший беспорядок. Там хозяйничала толпа, а одна из женщин, сидя в кресле председателя, выкрикивала оскорбления и ругательства". Мунье с большим трудом удалось восстановить порядок, чтобы затем сообщить коллегам о санкционировании декретов монархом.

На следующий день, 6 октября, толпа ворвалась в замок и, перебив гвардейцев, проникла в покои королевы. Пытаясь успокоить взбудораженных парижан, на балкон вместе с Лафайетом выходили король, королева и дофин. При появлении монарха раздались крики: "Короля в Париж!". Людовику XVI пришлось уступить. Вскоре королевская семья направилась в Париж в сопровождении странного кортежа, состоявшего из Национальной гвардии во главе с Лафайетом и горожан, распевавших: "Мы не будем больше без хлеба, мы возьмем с собой булочника и булочницу!"⁵³. "Охваченные свирепой радостью, – писал Мунье, – женщины плясали вокруг водруженных на пики голов"⁵⁴. Вечером Людовик XVI разместился во дворце Тюильри. Учредительное собрание, провозгласившее о своей неотделимости от монарха, 19 октября перенесло заседания в Париж.

⁵¹ Biographie de Mounier par Lally-Tollendal, p. 460.

⁵² Mounier J.J. Exposé de ma conduite dans l'Assemblée nationale. Grenoble, 1789, p. 66.

⁵³ Ibid., p. 78.

⁵⁴ Ibid., p. 82.

Мунье считал, что королю нанесено тяжкое оскорбление: его силой заставили уехать из Версаля в Париж. Таким образом Людовик XVI фактически стал пленником своих подданных. Октябрьские дни вызвали у Мунье обиду, разочарование во французском народе, тревоги и опасения за судьбу монарха, а также неприязнь к Учредительному собранию, которое не только не помешало насильственному переезду Людовика XVI в Париж, но, напротив, последовало за ним, уступив требованиям толпы.

Сразу же после этих событий Мунье подал в отставку с поста председателя Учредительного собрания, официальным поводом назвав плохое состояние здоровья. "8 октября, – писал он, – я почувствовал сильную боль в груди и ощутил потерю голоса, вследствие чего был более не в состоянии председательствовать на заседаниях. Я написал секретарям, чтобы они передали собранию мои извинения и сказали, что рвение, с которым я поддерживал порядок на заседаниях, нанесло вред моему голосу"⁵⁵. Письмо Мунье зачитал депутатам секретарь Учредительного собрания, открывая заседание 8 октября⁵⁶.

Мунье не рассматривал свою отставку как окончательный уход из Учредительного собрания и не исключал возможности возвращения в ряды депутатов. Он поехал в Гренобль, где рассчитывал найти поддержку и помощь друзей. По словам Малуэ, Мунье полагал, что "благодаря поддержке Дофине ему удастся показать достойный пример всем остальным провинциям, призывая их отомстить за короля", однако его надеждам и планам не суждено было сбыться. По приезде в Гренобль он сразу же заметил, как увеличилось влияние демократической партии. Даже друзья не осмеливались его поддерживать⁵⁷.

После санкционирования королем 9 ноября декрета, запрещавшего любое собрание провинциальных штатов, деятельность Мунье в Гренобле стала выглядеть незаконной. 15 ноября он написал прошение об отставке с поста депутата Учредительного собрания и спустя несколько месяцев вместе с семьей покинул Францию. "Возможно, – писал он, – я преувеличивал опасности, грозящие моей родине, но мне казалось, что я буду более полезным издали, что, рассказывая правду, я смогу предотвратить несчастья, угрожавшие нам всем. Я думал, что смогу поощрить хороших граждан, помешать деятельности злодеев"⁵⁸.

В ЭМИГРАЦИИ

Мунье нашел убежище у друзей в Женеве. Он прожил там около двух лет, когда в ноябре 1791-го Законодательное собрание одобрило декрет, предписывающий всем эмигрантам вернуться на родину до января 1792 г. Не подчинившиеся этому приказу объявлялись участниками "эмигрантских сборищ"⁵⁹. Эмигранты не возвращались, и депутаты прибегли к более суровым мерам – проголосовали за декрет о конфискации имущества эмигрантов. Мунье не только лишился всякой надежды на возвращение на родину, но и остался без средств к существованию. Он очень резко отреагировал на принятое постановление и в "Размышлениях о причинах, которые мешают французам стать свободными"⁶⁰, обвинил депутатов в нарушении ими же провозглашенных прав и свобод. Предугадывая дальнейшее развитие событий, он предупреждал о возможной смене формы правления: "Целью одной из группировок собрания является республиканское правительство"⁶¹. В единоличном правлении Законодательного собрания он усматривал угрозу монархическому режиму, за реформирование которого боролся в 1788–1789 гг. "Ни-

⁵⁵ Ibid., p. 91.

⁵⁶ AP, t. IX. Paris, 1884, p. 382.

⁵⁷ Mémoires de Malouet, v. 2, p. 5.

⁵⁸ Mounier J.J. Exposé de ma conduite dans l'Assemblée nationale, p. 90.

⁵⁹ AP, t. XXXIV. Paris, 1963, p. 104–105.

⁶⁰ Recherches sur les causes qui ont empêchés les français de devenir libres et sur les moyens qui leur restent pour acquérir la liberté. Genève, 1792.

⁶¹ Mounier J.J. Recherches sur les causes qui ont empêché les français de devenir libres, t. II. Genève, 1792, p. 32.

когда еще самое долгое правление деспота, – писал Мунье, – так не опустошало страну, как приводимое в действие группировками Национальное собрание... Оно не знает другой заслуги, кроме подчинения своим желаниям, другого преступления, кроме непослушания своим приказам⁶².

После того как в 1792 г. во Франции была провозглашена республика и начался процесс над Людовиком XVI, в ходе которого депутаты приговорили короля к смертной казни, Мунье направил все свои усилия на борьбу с ненавистным ему республиканским режимом. Осенью 1793 г. он едет в Лондон, чтобы быть представленным министру иностранных дел Великобритании. Благодаря ходатайству Лалли-Толандаля лорд Гренвилл предложил Мунье занять пост судьи в Канаде⁶³. Поблагодарив за оказанное доверие, Мунье отказался. Однако он согласился принять на себя обязанности наставника молодого состоятельного англичанина, сына лорда Хоука, с которым ему предстояло уехать на континент. Роль наставника служила лишь прикрытием: согласившись на эту роль, Мунье стал агентом британского правительства в Швейцарии, намеревавшегося использовать его опыт и связи в борьбе с Французской республикой. В письме к уполномоченному министру в Швейцарии, лорду Фицджеральду, лорд Гренвилл раскрыл намерения своего кабинета оказать помощь жителям Лиона и Тулона, восставшим в 1793 г. против республиканского правительства, и объяснял, почему выбор пал именно на Мунье: "Настоящее положение дел требует того, чтобы с особым вниманием рассмотреть все меры, которые могут быть приняты в Швейцарии, с тем, чтобы поддержать операции в южных провинциях Франции. В конфиденциальном письме я вскоре предоставлю Вам более подробную информацию по этому вопросу, и думаю, не стоит терять время, описывая Вам достоинства господина Мунье. У меня есть все основания полагать, что благодаря своему таланту и характеру, а также влиянию, которое он когда-то имел в своей провинции и знакомствам, появившимся у него в Швейцарии, он будет Вам очень полезен и Вы в полной мере можете использовать его на службе короля (Георга III. – В.С.). Он едет в Швейцарию с сыном лорда Хоука, что и является поводом для его возвращения в эту страну. Его путешествие предполагает разнообразные поездки, в ходе которых он встретится с Вами. Не стоит напоминать Вам о том, что его имя находится в списке тех, кто первым принимал деятельное участие во французских делах с начала революции. Разумеется, его поручение носит частный характер. Увидев его рвение, Вы убедитесь, что он будет полезен Вам, так же как и королю, и, если дела пойдут хорошо, может принести пользу в налаживании отношений с Францией. При этих обстоятельствах, я вверяю его Вам и полагаю, Вы уделите ему надлежащее внимание и окажете доверие"⁶⁴.

Столь высокую оценку Мунье, бесспорно, заслужил благодаря активному участию в революционном движении и в делах своей провинции Дофине. Намерение лорда Гренвила использовать его в переговорах с Францией свидетельствует о большом доверии, оказанном ему британским правительством. Однако министр переоценивал влияние Мунье в своей провинции. Даже в октябре 1789 г. бывшему председателю Национального собрания Франции не удалось организовать оппозицию Национальному собранию с помощью друзей и коллег в Гренобле.

Ожидая соответствующих инструкций и документов, необходимых для поездки, Мунье провел в Лондоне еще несколько недель. В небольшой записке от 12 октября 1793 г. он сообщал о готовности незамедлительно отбыть в Швейцарию после выяснения всех подробностей своего поручения. "Милорд, – обращался он к лорду Гренвиллу, – чтобы вернуться в Швейцарию, я жду лишь письменных доказательств доверия, которое Вы мне оказываете и которое я буду использовать с величайшей осторожностью даже в тех

⁶² Ibid., p. 41–42, 45–46.

⁶³ Biographie de Mounier par Lally-Tollendal, p. 463.

⁶⁴ Lord Grenville to Lord Fitzgérald. – Historical Manuscript Commission. The Manuscripts of J.B. Fortescue Preserved at Dropmore, v. II. London, 1894, p. 415.

обстоятельствах, когда оно будет совершенно необходимо для достижения успеха. Мне нужно еще обсудить с Вами некоторые детали, для чего я попросил бы вашей аудиенции"⁶⁵.

Из ответа Гренвила становится ясно, что именно на Швейцарию министр возлагал большие надежды в деле реставрации монархии во Франции: "После наших бесед относительно политической ситуации в Швейцарии и тех средств, с помощью которых можно было бы уберечь эту столь интересную европейскую страну от распространения анархических принципов и даже способствовать восстановлению порядка во Франции, Вы хотели получить письменные доказательства доверия, которым Вы пользуетесь у нашего правительства благодаря своему характеру и поведению. Хочу засвидетельствовать, что Вы можете его использовать для вступления в переговоры по всем необходимым вопросам с теми людьми, которые могут оказаться полезными и способствовать осуществлению намеченных целей"⁶⁶.

Мунье согласился на предложение британского кабинета, так как считал установившийся во Франции республиканский режим гибельным. Он всем сердцем переживал за свою страну и стремился любыми средствами избавить ее от "деспотического" республиканского правления. По его мнению, после победы республиканцев их лидеры грабили и угнетали население, разрушали институты власти, установили режим тирании⁶⁷. Подобная позиция была характерна для многих эмигрантов, из-за революционных событий лишенных родины, имущества, привычных условий существования, часто родных и близких и убежденных в том, что именно они знали те меры, которые могли превратить Францию в процветающее, состоятельное государство. Мунье был одним из них, и теперь у него появилась возможность повлиять на ход событий.

Лорд Гренвил отнюдь не преувеличивал, говоря о связях Мунье в Швейцарии. Там проживал его друг, известный журналист Ж. Малле дю Пан, являвшийся сторонником конституционной формы правления. Он во многом разделял взгляды Мунье и тоже был вынужден эмигрировать после провозглашения республики. Малле дю Пан обосновался в Берне – убежище эмигрантов. Благодаря обширным связям и корреспондентам во Франции, он посылал многочисленные письма и отчеты о состоянии дел во Франции представителям дворов Австрии, Пруссии, Португалии, Сардинии. Судя по сообщению доверенного лица лорда Гренвила, английское правительство также стремилось заполучить бывшего журналиста в качестве информатора и аналитика. Уполномоченный Гренвила В. Викем писал из Берна: "Я не напрямую высказал Ваше предложение господину Малле дю Пану, но обнаружил, что он уже состоит на службе у австрийского двора. Я также выяснил через своих друзей, что он напрямую переписывается с императором, а также отправляет донесения Тугуту (министру иностранных дел Австрии. – В.С.)"⁶⁸.

Видимо, Мунье рассчитывал использовать знакомства своего друга не только для того, чтобы выполнить поручение британского правительства, но и надеясь с его помощью наладить отношения с монархистами во Франции. Он стремился объединить всех сторонников монархического режима. "Все те, кто хотят восстановления общественного порядка, – заявлял Мунье, – должны наконец объединиться, простив друг другу расхождения во мнениях и прошлые ошибки"⁶⁹.

Приехав в Берн, он тотчас же принялся за работу и при посредничестве лорда Фицджеральда и своих друзей в Лондоне поддерживал переписку с британским правительством, от которого продолжал получать секретные указания. Английский премьер-ми-

⁶⁵ Ibid., p. 420.

⁶⁶ Ibid., p. 422.

⁶⁷ Подробнее о взглядах Мунье в период эмиграции см. *Сергиенко В.Ю.* Конституционные монархисты-эмигранты времен Французской революции конца XVIII века. – Новая и новейшая история, 2003, № 5, с. 59–74.

⁶⁸ Historical Manuscript Commission, v. III. London, 1892, p. 44.

⁶⁹ *Mounier J.J.* Adolphe ou principes élémentaires de politique. Londres, 1795, p. 166.

нистр У. Пит писал лорду Гренвилу: "Вы предлагаете мне предоставить инструкции господину Мунье. Судя по его сообщениям, думаю, он может быть очень полезен"⁷⁰.

Деятельность Мунье не осталась незамеченной. Уполномоченный представитель Французской республики в Швейцарии господин Бартелеми, сообщал в Париж: "Мунье и Малле дю Пан преданы британскому министру... Со стороны англичан несомненно готовится какая-то интрига, вынашиваемая Мунье и Малле дю Паном"⁷¹.

Вероятно, чтобы отвести от себя подозрения, Мунье вместе с сыном Эдуардом и молодым воспитанником совершает летом 1794 г. путешествие по Швейцарии и Германии. В ходе этой поездки его особенно поразили последствия военных действий французских войск в Пруссии: "По мере того, как мы приближались к Опенгейму и Майнцу, – сообщал Мунье в письмах к жене, – мы увидели следы пребывания французов-фанатиков: одни дома были сожжены, другие полностью разрушены, а остальные подверглись такому опустошению, что там не осталось ни уцелевшей двери, ни окна. Многие крестьяне, возвращаясь в родное жилище, имели столь несчастный и скорбный вид, что мы прониклись сочувствием к ним и ненавистью к тем разбойникам, которые разорили их край"⁷².

Пока Мунье путешествовал, ситуация во Франции изменилась. После казни Робеспьера и его сторонников в июле 1794 г. началась эпоха "белого террора", или роялистской реакции. Именно это время, по мнению многих историков, являлось "самой благоприятной возможностью для реставрации конституционной монархии во Франции"⁷³. Приход к власти термидорианцев, ослабление политики террора, действия Конвента, санкционировавшего возвращение некоторых эмигрантов и священников, воскресили надежды многих противников республики, в том числе и Мунье, на восстановление монархического строя. Тем более, что в переговорах с роялистами участвовали такие известные термидорианцы, как Тальен и Баррас, а также некоторые члены Комиссии одиннадцати, созданной специально для разработки новой конституции⁷⁴. Кроме того, сам термидорианский Конвент состоял из крайне неоднородных групп, среди которых были и роялисты⁷⁵.

Рассчитывая на поддержку английского правительства, Мунье и Малле дю Пан предприняли несколько практических шагов. В июне 1794 г. они поддержали инициативу Т. Ламета, считавшегося одним из лидеров "конституционалистов", приверженцев конституционной формы монархического правления. Вместе со своими сторонниками Ламет разработал план объединения разрозненных сил монархистов. Речь шла главным образом о преодолении разногласий между легитимистами, выступавшими за восстановление Старого порядка, и защитниками конституционного строя. Основным пунктом этого плана было создание во Франции небольшой группы монархистов, которая могла бы установить контакт с эмигрантами, скоординировать с ними действия и попытаться, по мере приближения войск антифранцузской коалиции, поднять восстание внутри страны⁷⁶.

Однако участники эмигрантских групп не были полностью уверены в своих силах и поэтому считали необходимым вмешательство английского правительства. Мунье и Малле дю Пан, разрабатывавшие план реставрации монархического правления, конеч-

⁷⁰ W. Pitt to Grenville. – Historical Manuscript Commission, v. II, p. 503.

⁷¹ Цит. по: *Bourgeois R.* Jean-Joseph Mounier un oublié de la Révolution. Grenoble, 1998.

⁷² Bibliothèque municipale de Grenoble, fond Denier, R 12265.

⁷³ *Godechot J.* La contre-révolution. Doctrine et action. Paris, 1961, p. 264–265; *Sydenham M.* The First French Republic. London, 1974, p. 41; См. также: *Sutherland D.* France 1789–1815. Revolution and Counter-revolution. London, 1985, p. 272.

⁷⁴ *Thuureau-Dangin P.* Royalistes et Républicains. Paris, 1888, p. 47; *Fryer M.* Republic or Restoration in France? 1794–1797. Manchester, 1965, p. 4.

⁷⁵ См. *Бовыкин Д.Ю.* "Отцы нации": создатели Конституции III г. Республики. – Французский ежегодник. 2001. М., 2001, с. 219–221.

⁷⁶ *Sayous A.* Mémoires et correspondance de Mallet du Pan, v. II. Paris, 1851, p. 94.

но же согласились на роль посредников между ними и английским правительством. В сентябре 1794 г. они написали два письма, адресованные лорду Гренвилу, где изложили план Ламета и его сторонников. В этом плане присутствовало три необходимых условия реставрации: амнистия депутатам, голосовавшим за смертную казнь Людовика XVI, прекращение боевых действий против французской армии и, наконец, невмешательство английского правительства и иностранных властей в процессы внутреннего урегулирования⁷⁷.

Послания Мунье и Малле дю Пана вызвали большой интерес английского короля Георга III, отметившего в письме лорду Гренвилу, что "размышления господина Мунье и советы Малле дю Пана заслуживают величайшего внимания и секретности"⁷⁸. Он поручил лорду Гренвилу принять безотлагательные меры, и тот направил в Берн доверенное лицо, своего друга Викема, с поручением выяснить подробности и детали готовящегося проекта⁷⁹. Столь быстрая реакция английского правительства свидетельствовала о его заинтересованности в предложениях французских эмигрантов. "Я не думаю, что Франция созрела для осуществления подобного плана, – писал Георг III, – и что следует превратить его в жизнь без всякой надежды на успех. Тем не менее я убежден, что с надлежащей осторожностью этого можно было бы достичь"⁸⁰.

В конце концов англичане отказались предоставить гарантии, на соблюдении которых настаивали Мунье и Малле дю Пан. Как полагал А. Лебон, занимавшийся изучением проектов правительства Великобритании, направленных на реставрацию монархического режима во Франции, это произошло главным образом из-за разногласий, возникших между Викемом и "конституционалистами". Их план казался Викему неосуществимым⁸¹.

После неудачной попытки переговоров с британским правительством Мунье написал письмо находившемуся в Вероне брату казненного Людовика XVI графу Прованскому, регенту при малолетнем Людовике XVII. В послании он призывал в случае реставрации монархии во Франции признать права и свободы, провозглашенные в августе 1789 г. в Декларации прав человека и гражданина, и отказаться от мысли о мести⁸². В ответе граф Прованский отметил свое "особое расположение" к Мунье и считал необходимым поделиться с ним своими планами: "Я стремлюсь лишь к восстановлению католической религии и к нашему древнему образу правления... Моим убеждением является снисхождение к людям и нетерпимость к нарушению принципов"⁸³. Несмотря на подобные уверения, став после смерти юного наследника законным претендентом на французский трон, граф Прованский подписал знаменитую Веронскую декларацию, где грозил расправой над революционерами и новым перераспределением земельной собственности⁸⁴.

Не имея постоянного заработка, в 1795 г. Мунье с готовностью принял предложение возглавить одну из частных школ германского города Веймара и занять место профессора философии, государственного права и истории. В Германии его постигло страшное несчастье – смерть любимой жены, которая всегда была ему верным и преданным другом⁸⁵. Пережить эту трагедию помогала работа. По предложению герцога Веймарского Мунье занялся организацией нового образовательного учреждения для обучения молодых дворян. Усилия Мунье и местных властей увенчались успехом: вскоре Веймарская

⁷⁷ Lebon A. Angleterre et l'émigration française de 1794 à 1801. Paris, 1882, p. 4–5.

⁷⁸ George III to Grenville. – Historical Manuscript Commission, v. II, p. 638.

⁷⁹ Lebon A. Op. cit., p. 6–7.

⁸⁰ George III to Grenville. – Historical Manuscript Commission, v. II, p. 638.

⁸¹ Ibid., p. 9–10.

⁸² Sayous A. Op. cit., p. 181.

⁸³ Lettre du compte de Provence à Mounier. – Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Fond Bourbon, v. 588, p. 213–218.

⁸⁴ Diesbach G. Histoire de l'émigration. 1789–1814. Paris, 1998, p. 441–442.

⁸⁵ Biographie de Mounier par Lally-Tollendal, p. 462.

частная школа привлекла внимание иностранцев и туда для приобретения знаний устремились молодые англичане. Мунье приходилось выполнять административную работу, следить за организацией учебного процесса, кроме того, он продолжал чтение лекций по философии, общественному праву и истории. В архивном фонде библиотеки Гренобля сохранились тетради с записями Мунье, составленный им курс по истории Франции и Англии, исследования по философии и метафизике⁸⁶.

Лалли-Толандаль с гордостью писал, что его близкий друг "оказывал большое влияние на приезжавших в Веймар молодых людей", которые относились к нему с большим почтением⁸⁷. Сам Мунье как будто бы не замечал этих успехов. В письмах к шурина Борелю-Шатле он с присущей ему скромностью рассказывал о выполняемой работе, с иронией описывал жизнь в Веймаре, сильно отличавшуюся от первых месяцев революции своей размеренностью и монотонным распорядком дня преподавателя. "Мое нынешнее положение, – продолжал Мунье, – намного предпочтительнее, чем недавно. У меня есть профессора древних и современных языков, а также математики. Моя же задача состоит лишь в том, чтобы наблюдать и контролировать их работу. Каждый день, за исключением четверга, я читаю лекции по статистике, философии и праву. Утро четверга и воскресенья занято проверкой работ моих учеников. Обычно я обедаю с ними, но живу вместе со своими детьми, стараясь посвятить им все свободное от работы время. Однако его у меня очень немного, поскольку административные заботы и подготовка лекций требуют большого внимания"⁸⁸.

В 1799 г. в школу Мунье был направлен юный швейцарец, господин де Гуллодон, которого сопровождал один из приближенных графа Артуа – второго брата Людовика XVI. В рекомендательных письмах, адресованных Мунье и подписанных графом Артуа, содержалась неожиданная просьба охарактеризовать положение вещей в Европе. Мунье отвечал среди прочего, что, несмотря на все "ужасные преступления", которые повлекла за собой революция, "говорить о монархии не следует без предоставления надлежащих средств для примирения ее со свободой"⁸⁹.

Несмотря на постоянную занятость, Мунье ни на секунду не забывал о Франции. Он с горечью писал Борелю-Шатле: "Здесь мне оказывают многочисленные знаки внимания, однако мое желание вернуться во Францию не ослабевает... В школе дела идут хорошо, это дает мне много преимуществ, возможность заниматься тем, чем мне нравится, но я бы предпочел питаться лишь черным хлебом и картошкой, только бы жить в своей стране"⁹⁰.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Переворот 18 брюмера, установление режима Консульства воскресили надежды Мунье на возвращение во Францию, в родной Гренобль, где по-прежнему жили его родственники и друзья. "Каждый день я жду своего исключения из списка эмигрантов, – писал он Борелю-Шатле. – Я даже объявил о закрытии своего учреждения, несмотря на его успешную деятельность и доход, который оно приносит. Разве можно сравнить это с радостью вновь увидеть своих родителей, друзей и свою родину?"⁹¹.

В октябре 1801 г., после нескольких мучительных месяцев ожидания, продав все свое имущество, Мунье вместе с детьми вернулся на родину. Первоначально он намеревался открыть в Гренобле или Лионе учебное заведение, вроде того, которым руководил в Веймаре, однако после поездки в Париж в ноябре того же года его планы изменились. В Париже он встретился со своим старым другом П.В. Малуз, известной писательницей

⁸⁶ Bibliothèque municipale de Grenoble, fond Dénier, R 6314, doc. 5–10.

⁸⁷ Biographie de Mounier par Lally-Tollendal, p. 462.

⁸⁸ Bibliothèque municipale de Grenoble, fond Dénier, R 90874, doc. 23.

⁸⁹ Fonds Bottiger, Sachische Landesbibliothek. Dresde H. 37, Bd 84, Manuscrit 40.

⁹⁰ Bibliothèque municipale de Grenoble, fond Dénier, R 90874, doc. 25.

⁹¹ Ibid., doc. 38.

Ж. де Сталь, а также с министром иностранных дел Талейраном и маркизом де Лафайетом. Благодаря старым связям и новым знакомствам у Мунье появилась надежда на получение должности, позволявшей иметь постоянный доход. Вскоре состоялась его встреча с Бонапартом.

"Ты не можешь себе представить, – писал Мунье сыну в Гренобль, – сколько мне надо тебе сообщить! Вчера меня крайне любезно принял первый консул. Я не могу одобрить все меры его правительства, но у него хорошие намерения, кроме того, в настоящий момент единственный способ сохранить общественное спокойствие состоит в том, чтобы оказать ему поддержку. Я не обнаружил в нем сходства ни с одним портретом. Он оказался гораздо симпатичнее, нежели я ожидал, поскольку совсем не похож на грубого рубаку, как многие другие генералы. Мягкость его лицу придает выражение доброты. Увидев его, признаюсь, у меня появилось желание получить место рядом с ним и высказать ему все мои мысли по поводу общественного благополучия"⁹².

Надежды Мунье, попавшего под обаяние первого консула и стремившегося осуществить свои идеи государственного управления на практике, оправдались. В следующем году он получил должность префекта департамента Иль-и-Вилен в провинции Бретань. Это назначение должно было принести ему 15 тыс. франков годового дохода и позволяло покончить с финансовыми затруднениями, которые он испытывал по возвращении во Францию.

О деятельности Мунье в должности префекта сохранилось мало свидетельств, однако в одном из писем, датированных 1804 г., он отмечает, что "из-за стремления восстановить справедливость приобрел много влиятельных врагов, которые задумали интригу и настаивают на другом назначении"⁹³. По-видимому, интрига удалась. В 1804 г. Мунье покидает Ренн и возвращается в Париж. Ничуть не жалея о случившемся, он пишет шурину: "Я даже не могу выразить, как я счастлив, что покинул префектуру. Местность, люди – все мне не подходило. Бретань не для меня, однако я был очень заинтересован в ее процветании и никогда не отказывался служить ее жителям, быть им полезен"⁹⁴. Кажется, его усилия не пропали даром: и после ухода с должности префекта Мунье продолжал получать около 20 писем в неделю от жителей департамента Иль-и-Вилен⁹⁵.

В Париже Мунье становится членом Государственного совета. Он пользуется расположением Наполеона, о чем свидетельствует сохранившееся в архиве приглашение на церемонию коронации⁹⁶. Однако из-за слабого здоровья Мунье недолго служил новому императору. В 1806 г. он скончался.

Политическая судьба Жана-Жозефа Мунье, одного из первых идеологов конституционного монархизма времен Французской революции, перешедшего в оппозицию в годы первой Республики, – пример того, как инициатор и активный участник революционного движения превратился в эмигранта и контрреволюционера. Такой перелом в сознании характерен для многих участников революционных событий, и объясняется он прежде всего разочарованием, невозможностью реализовать собственные взгляды.

В 1789–1791 гг. революционная Франция предпочла более радикальный путь, нежели тот, который предлагал умеренно-конституционный монархист Мунье. Однако по прошествии двух десятилетий, пройдя через режимы Консульства и Империи, она вновь вернулась к созданию конституционного правления, заключив своеобразный компромисс между революционными преобразованиями и новым монархическим строем.

⁹² Ibid., doc. 40.

⁹³ Ibid., doc. 50.

⁹⁴ Ibid., doc. 57.

⁹⁵ Ibidem.

⁹⁶ Archives Nationales, 372 AP, doc. 2.